

НИКОЛАЕВ С.С.

**ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА:
НАГАИ КАФУ**

ISBN-13: 978-1-326-56448-3

УДК: 1751

Издано:
Независимым Издательством

Москва 2025

Анотация

Книга исследует многогранное творчество Нагаи Кафу, японского писателя. Анализируются эссе "Усталость", "Надежда", сборник "Сто стихотворений", "Теория одежды" и "Разговор о непристойном наедине". Рассматриваются темы ностальгии, критики вестернизации, поиска идентичности и роли искусства, раскрывая противоречивый взгляд Кафу на японское общество и внутренний мир человека.

Нагаи Кафу
1879 – 1959

Японский писатель, драматург и мемуарист, представитель школы эстетов. Известен своими произведениями о жизни Токио начала XX века, особенно о мире развлечений. Жил в Америке и Франции, переводил французскую литературу. Автор "Рассказов об Америке", "Цветов ада", "Язвительной усмешки" и других произведений. Писал как на классическом, так и на современном японском языке.

Усталость

Весной этого года, когда я писал роман под названием "Холодный смех" для газеты "Асахи Симбун", я каждое утро садился за стол и писал, а потом видел, как мои слова каждый день, словно машина, появляются в газете на следующий день. И как-то я почувствовал, что действительно стал романистом. Стал автором. Стал профессионалом, живущим своим пером. И это вызывало у меня какое-то необъяснимое беспокойство и дискомфорт.

А теперь, совершенно неожиданно, я должен стоять в классе школы и читать лекции о том, что называется литературой. Я должен без усталости говорить такие слова, как жизнь, искусство, красота, воображение, волнение, иллюзия, и я чувствую, что это моя обязанность и профессия, и это вызывает у меня еще больше беспокойства и дискомфорта.

Еще вчера, когда я прятался от мира в городе, никем не замеченный, и блуждал в мире своевольных фантазий, как драгоценны и желанны были для меня слова жизнь, искусство и красота! Потому что эти слова были единственным посредником, который улавливал тень иллюзии, вспыхивающей перед моими глазами от каждого мгновения моего волнения, и переносил на бумагу запись, которую следовало хранить, по крайней мере, пока я жив.

Почему в то время я видел такие сны? Почему я пел о них без стеснения? Нет ничего более безжалостного и невозможного, чем оглядываться на отчуждение "времени", которое нельзя вернуть, и пытаться объяснить это сейчас.

Изначально я человек, который не может верить в себя. Я никогда не был достаточно наглым, чтобы что-то утверждать или учить других. Я только жаловался. Только плакал. Но я не хотел лаять, как бешеная собака, и старался, чтобы мои слова не раздражали слух слушателей, как остатки червя. Я и не заставлял никого слушать. Если кто-то слушал, я был очень благодарен, но если кто-то не слушал, я не сердился и не грустил. Разве великие люди, такие как Будда, Конфуций и Христос, которые никогда не появятся в мире дважды, не учили людей тому, что они обязательно должны были услышать, столь правильному пути, столь ревностно и преданно, но люди, казалось, никак не становились лучше? Это всегда мир греха, всегда эпоха упадка. Изначально было ясно, что маленький человек, который не Будда и не Конфуций, как бы он ни старался и ни шумел, не будет

услышан миром. Поэтому я до сегодняшнего дня ни разу не думал о том, чтобы стать религиозным деятелем или моралистом.

В последнее время я постоянно размышляю о том, как успокоить чувство тревоги, вызванное противоречием между моими чувствами и обстоятельствами.

Здесь есть крайне несерьезное отношение к легкому взгляду на все вещи в мире и предоставлению их самим себе. Бесплезно думать о вещах слишком серьезно, жестко и неуклюже. Все будет так, как будет - это пассивная капитуляция, самоуничтожение, удовольствие волнениями, смутное, неопределенное и ненадежное. Это отречение от силы воли и личности индивидуума перед лицом эпохи и толпы, признание ее крайне малой, но не негодование по этому поводу, а насмешка. Не то чтобы мне нравилось насмехаться, но я хорошо знаю, что негодование ни к чему не приведет, и бессилие моей эпохи, и отсутствие помощи, поэтому я даже не могу негодовать. В результате попытки утешить обиду – обиду на себя – возникает неизбежный путь бегства, насмешка.

Когда дело доходит до этого, неудачи не так уж и важны, но и успехи не так уж и радуют. Неудача, конечно, доказывает, что мне не хватает сил, но если бы я с самого начала не воображал себя таким сильным, то смог бы избежать стольких неудач. И успех не в том, что я велик, а в том, что мир по своей воле придал мне ценность больше, чем я есть на самом деле, то есть переоценил меня, и все, что остается, - это то, что мир выразил свою глупость и невнимательность, не будучи об этом попросенным. Сто дней проповеди - один пук, как говорится. Нет ничего более смешного, чем неудача. В то же время нет ничего более глупого и пустого, чем успех.

В любом народе, кульминацией цивилизации, возникшей в нем, является упадок человеческого сердца. Подобно тому, как постепенно стареющая европейская цивилизация нового времени породила во Франции поэта Бодлера, цивилизация Эдо в Восточной Азии с самого начала вложила в сознание знатоков, писателей-игроков и мастеров хайку комическое толкование эмоций и страстей всех людей и, под предлогом так называемого "утонченного наслаждения", бежала из мира борьбы и усилий, чтобы задумать изоляцию чисто эгоистической мысли. Об этом свидетельствуют литературные произведения того времени. В то же время мы можем заметить коренное различие в национальном характере между декадентской мыслью Эдо, которая является удивительно легкой, оптимистичной и не имеющей

привязанности, в отличие от глубоко мрачной, пессимистической и бунтарской декадентской мысли Франции.

В любом случае, декадентская мысль означает прекрасное состояние усталости, когда цветы цивилизации в полном расцвете раскрывают свои лепестки настолько, насколько это возможно, и размышляют, рассыпаться или нет, в слабом свете сумерек, где нет ветра. Поэтому, с точки зрения идеи основания страны и воинской доблести, нет ничего более опасного и ужасного. Но в учении Будды говорится о непостоянстве всего сущего и о том, что рожденное обязательно умрет. Общее правило, что все, достигшее крайности, обязательно подходит к концу, - это неизбежный закон природы. Личное счастье существует только для того, чтобы быть потерянным, а судьба страны процветает только для того, чтобы быть уничтоженной. Если вы хотите избежать этого, вам следует с самого начала не гордиться процветанием и, если вы хотите создать страну, навсегда оставаться в состоянии варварской нецивилизованности и не делать ни шагу вперед. Обучение развитию и прогрессу человеческого интеллекта - это всего лишь занятие ступени, которая рано или поздно приведет к какому-либо исходу.

Тот, кто богат талантами, полон знаний, имеет высокие вкусы, любит этикет, имеет глубокий жизненный опыт и испытал все пределы радостей, печалей и мечтаний, естественно, имеет меньше мужества бороться с чем-либо. Скорее, чем бояться борьбы, он предвидит крайне бессмысленный результат борьбы. Даже если он не хочет предвидеть, он видит насквозь из-за своего богатого и подробного опыта.

История рассказывает о том, как римляне были побеждены германскими народами, как клан Хэйкэ потерпел поражение от клана Гэндзи, как китайские императоры на протяжении всей истории страдали от вторжений северных хунну. Настоящие уроженцы Эдо были полностью побеждены приезжими из провинции и отступили на другой берег реки.

В Суда-тё, Овари-тё или Каяба-тё, или где угодно еще, толпа на пересадочной станции дает нам более полезный урок, чем сто томов книг каждый день. Она объясняет, как жить в этом мире. Тот, кто хочет быть впереди других, поистине жесток. У него хороший импульс. У него нет времени оглядываться вокруг, чтобы почувствовать себя неловко. Он проталкивается вперед, несмотря ни на что. Именно здесь происходит успех. Здесь происходит победа. Здесь происходит

осуществление принципов. Здесь можно увидеть реализацию претензий.

Предыдущий президент Рузвельт был героем воли, достойным подражания молодежи. Но я не могу не восхищаться этим героем, потому что его шея слишком толстая, а пальцы слишком безобразные.

1910

Примечания:

- **Асахи Симбун (朝日新聞)** — Одна из крупнейших и наиболее влиятельных газет в Японии. Основана в 1879 году.
- **Будда, Конфуций, Христос** — Основатели религиозных учений.
- **Бодлер, Шарль (1821-1867)** — Французский поэт, критик и эссеист, оказавший значительное влияние на развитие современной литературы. Он известен своим сборником стихов «Цветы зла» (Les Fleurs du mal).
- **Эдо (江戸)** — Старое название Токио, а также период в истории Японии (1603–1868), когда столицей был Эдо.
- **Хайку** — Жанр японской поэзии.
- **Хэйкэ (平家) и Гэндзи (源氏)** — Два могущественных самурайских клана, которые боролись за власть в Японии в XII веке. Война между ними, известная как Война Гэмпэй, закончилась победой клана Гэндзи.
- **Хунну (匈奴)** — Кочевой народ, живший к северу от Китая в древности. Они часто совершали набеги на китайские территории, что вынуждало китайцев строить Великую Китайскую стену.
- **Суда-тё (須田町), Овари-тё (尾張町), Каяба-тё (茅場町)** — Районы в Токио.
- **Рузвельт, Франклин Делано (1882–1945)** — 32-й президент США.
- **Декадентство** — Направление в европейском искусстве и литературе второй половины XIX — начала XX века, характеризующееся настроениями упадка, индивидуализма и эстетизма.

Надежда

Социалистические публикации, на которые до сих пор смотрели сквозь пальцы, подвергаются повсеместным обыскам, как старые, так

и новые. Привычное "развращение нравов" заменяется словами "нарушение порядка", и даже распространение христианских семейных газет запрещается под этим предлогом. В обществе царит какое-то беспокойствие. Шум ветра, "развевающего поле "идеальных" цветов", заставляет меня особенно остро ощутить осеннюю тоску этого года. Но в то же время мне кажется, что эпоха Мэйдзи внезапно вернулась к временам восстания в Амакусе, или, возможно, к эпохе закрытой страны, когда Сакума Сёдзан и Такано Тёэй, нарушая запреты, изучали голландскую науку. Среди этого ужаса рождается мечтательное, ностальгическое чувство.

Нельзя сказать, что это ограничится лишь преследованием социалистов с их политическими взглядами. Вполне возможно, что настанет драматическая эпоха, когда нас, еретиков от искусства, поклоняющихся богам Венере, Вакху и Пану, не имеющим никакого отношения к японской истории, схватят. И тогда, из зарослей сада, где поют соловьи и живут поэты, появятся толпы полицейских в черных одеждах и белых повязках на голове, размахивая своими дубинками, и с криками "Я-а! Я-а!" начнут облаву.

Что же мы будем делать, если вмешательство "компетентных органов" в литературу и все новые идеи зайдет так далеко? Какова будет судьба японского искусства?

Я впал в такое уныние, что не мог спать по ночам, но вдруг увидел луч света во тьме и с облегчением вздохнул. Потому что, если мы полностью откажемся от мысли, что не можем выразить ни слова правды на родном языке под страхом запрета на публикацию, то тогда, не обращая внимания на небольшие грамматические или орфографические ошибки, мы начнем выражать свои убеждения на английском, французском, немецком и других языках. Молодые люди, которые постоянно требуют чего-то нового и истинного, непременно начнут дружить со словарем, не боясь мучений, которые испытывают, склоняясь над ним, ради удовлетворения своих духовных потребностей, даже если они обычно пренебрегают английским ради экзаменов. Таким образом, весь обмен новыми и истинными идеями будет происходить не на японском языке, а на иностранных языках. И тогда проблема улучшения национального языка, над которой так долго спорили, — тэниоха, кандзи, ромадзи — разрешится сама собой. Более того, новая Япония, истинная Япония, сможет сразу же стать мировой державой.

Из-за этих фантазий я иногда даже желаю, чтобы преследование публикаций стало еще более жестоким и яростным. О надежда, надежда! Пьяный поэт Верлен сказал: "Надежда сияет, как соломинка..." Надежда прекрасна.

1910

Примечания:

- **Эпоха Мэйдзи (1868-1912):** Период в истории Японии, когда страна открылась для внешнего мира и провела масштабные политические, социальные и экономические реформы.
- **Восстание в Амакусе (1637-1638):** Крупное крестьянское восстание в Японии, вызванное религиозным преследованием христиан и высокими налогами. Жестоко подавлено.
- **Эпоха закрытой страны (Сакоку):** Период в истории Японии (1639-1853), когда страна была практически полностью изолирована от внешнего мира.
- **Сакума Сёдзан (1811-1864) и Такано Тёэй (1804-1850):** Японские ученые, изучавшие западную науку ("голландскую науку") в эпоху закрытой страны, несмотря на запреты.
- **Венера, Вакх и Пан:** Боги из римской и греческой мифологии, символизирующие красоту, вино и дикую природу соответственно. Использование их имен указывает на увлечение автора западной культурой и отход от традиционных японских ценностей.
- **Верлен, Поль:** Французский поэт-символист. Фраза "Надежда сияет, как соломинка..." - цитата из его стихотворения.
- **Тэниоха:** Японские грамматические частицы, которые могут быть сложны для изучения и использования.
- **Кандзи:** Китайские иероглифы, используемые в японской письменности.
- **Ромадзи:** Система записи японского языка латинским алфавитом.

Самостоятельно выбранные сто стихотворений

Песнь кото
Осенняя грусть

Осенняя грусть – ни дождь, ни легкая дымка. Ветер не веет, но листья опадают, средь опадающей листвы. Блуждает одинокая тень бабочки. словно отголосок увиденного сна, облокотился на стол и углубился в раздумья. Дорога мне безвозвратно ушедшая старина. Одиноко в сумерках за окном. Слушаю с тревогой звон колокола. Вот и день миновал. В изменяющемся облике брэнного тела дни и месяцы уходят. Постоянство утомительно.

Предисловие

С самого начала у меня не было намерения собирать мои экспромтные стихи, поэтому я не записывал их, и с годами большая их часть была позабыта. Но время от времени люди приходили, настаивая на том, чтобы я написал что-нибудь на тандзаку или цветной бумаге. Поэтому, волей-неволей, я вспоминал старые стихи и пытался отделаться от них. Постепенно, это повторялось всё чаще, и ушедшие годы, моя убогая жизнь в разных уголках Симомати, картины города, увиденные по пути в баню утром и вечером, или удовольствия ночей, проведенных с женщинами, игравшими на сямисэне – все это невольно всплывало в памяти. Не в силах устоять перед тоской по ушедшим юным дням, я выбрал то, что теперь казалось мне невозможным отбросить, и, в качестве утешения от старческой бессонницы, составил этот сборник.